

СТАНИС ФАБ

АНГАРИДА

ИРКУТСК, 2019

БЕРЕГ БУРНОГО ПОТОКА

...Вряд ли кто вспомнит, сколько времени племя охотников жило на берегах Бурного потока. Даже старый шаман затруднялся дать ответ. В давние-давние-давние времена люди облюбовали эти берега и эту пещеру, которая исправно согревала в холодные дни, давала ночлег, была мастерской, хранила огонь костра. А вот теперь, сидя на берегу Бурного потока, вождь Синака с горестью и сожалением думал о том, что придется покинуть обжитые предками лес, холмы, сам берег Бурного потока.

Никто не знал, куда убегает Бурный поток, живут ли на других его берегах люди, выходит ли к водопою гигантский лось или олень, который своими огромными рогами легко ломает толстые ветви деревьев.

Прямо здесь, на берегу Бурного потока разожгли большой костер, вокруг которого собрались почти все взрослые члены племени.

...Вождь Синака пел. Звуки его хриплого голоса несли грусть и печаль. Соплеменники хлопали в такт, раскачивались вместе с ним из стороны в сторону под заунывный мотив...

Мальчик по имени Таука не задумывался, о чем поет вождь в этой очень грустной песне. Ему некогда было грустить, ведь каждый день приносил столько хлопот, что к вечеру он нередко забывал съесть то, что заботливые женщины племени готовили для своих детей и мужей.

Когда Белый шар сменял Огненный и все вокруг погружалось в темноту, он кутался в медвежью шкуру, подаренную вождем Синака его отцу еще в те времена, когда они были молодыми охотниками, и засыпал, глядя на костер, который день и ночь горел в пещере под присмотром женщин и стариков, или размышляя о завтрашних заботах, которые ждут его, сына камнедела Велеса...

Вот и сейчас, закрыв глаза, он размышлял – хорошо это или плохо, если племени все-таки придется сняться с насиженных мест и отправиться в поисках нового дома. Таука считал, что это хорошо, что это настоящее приключение! И поэтому Таука не грустил и не печалился так, как это делали взрослые.

Иногда вождь Синака пел о смельчаках, которые отправились вниз по течению преследовать мамонта. Эта песня нравилась Таука больше, она не была такой заунывной. Ее быстрый ритм будил желание метать дротик, бежать на холм, а то и вовсе прыгнуть в челн и плыть, плыть, плыть!

Смельчаков Таука жалел. Ушли и не вернулись! Что случилось с хабрецами-охотниками – неизвестно.

...Отец Таука Велес находился в племенном круге и сидел недалеко от вождя – таким образом определены его место и роль в племени. Он не был удачливым охотником и не являлся сильным воином, бегал медленнее многих и метал камни пращей не так метко, как другие. Но Велес занимал особое положение среди сородичей, потому что обладал даром рисовать на гальке охотничьи трофеи, а еще ловко расщеплял камни и «извлекал» из них лезвия для ножей, наконечники для стрел и дротиков, а из костей добытых животных мастерил крючки и иглы, различные скребки и другую утварь, без которой ни на рыбалке, ни на охоте, ни при приготовлении пищи или изготовления одежды обойтись было совершенно невозможно.

Этот дар перешел к Таука, и мальчик радовал собственными поделками и рисунками. Даже Велес порой удивлялся, как Таука хорошо рисовал животных на гальке, вырезал фигурки из камня, бивня мамонта или носорога.

...Огонь в пещере поддерживали днем и ночью. Но раньше костры жгли маленькие, с тлеющими углями. Теперь без большого, жаркого уже не согреться.

По утрам нередко, чтобы добраться до чистой воды, приходилось сбивать прибрежную наледь Бурного потока. В иные дни тонкая корочка льда затягивала поток у берега и затрудняла доступ к воде. Войти же в нее с остроконечной палкой, на которой отец ловко прилаживал гарпун, чтобы добыть рыбу, тоже становилось все сложнее. И дело даже не в том, что вода было невероятно холодна. С этим в племени знали, как справляться, обильно покрывая тело жиром лесных животных. Но когда ледок крепчал и обростал наростами, так просто его уже было не растолкать.

...Внутренне Синака уже все решил. Он понимал, что наступило время уводить людей вниз по течению, где, возможно, поток оставался таким же широким и чистым ото льда, как в те времена, когда деревья стояли зеленые, с густой шапкой листьев, а не такие, как сейчас – чахлые и унылые в предчувствии смертельного холода.

В двух распадах от того места, где обитало племя Синака, жили люди Пещерного племени. Их пещера находилась прямо внутри скалистого холма. Она была сухой и просторной. В обширном зале в центре постоянно горел костер. Каменные стены ее вбирали жар, а потом отдавали, так что даже в холода здесь оставалось тепло. Здесь люди ели и спали, здесь обрабатывали шкуры добытых животных и делали из них одежду и мягкие и очень удобные накладки на ступни ног, так что охотники не боялись бегать по горам в погоне за добычей.

Соседи время от времени договаривались и устраивали обмен: орудия охоты шли за одежду, иглы за рыбу, жиры за жир, луки отдавали – дротики получали...

Охотников пещерного племени частенько видели на склонах холмов и гористых перелесков. Там они добывали еду, сгоняя к подножию животных, где тех поджидали ловушки и самые ловкие и меткие охотники. Но зверей тоже становилось все меньше и меньше, холода заставляли их искать новые пастбища.

Хотя люди давно вели обмен, но делали это на нейтральной территории. Если вождям нужно было обсудить что-то важное, они приходили к огромной сосне, которая росла как раз на полпути к их стоянкам. Ходить в пещеры друг к другу без дела было не принято. Поэтому сородичи Таука почти не бывали у людей пещерного племени.

А вот Таука бывал. Первый раз это случилось позапрошлым теплым временем, когда Огненный шар пригревает как-то особенному, деревья уже усыпаны листьями и цветами. Бурный поток в такие дни становился полноводным, старая трава покрывалась нежными всходами, и казалось, что холода отступают, вслед за теплом вернутся звери, и теперь люди смогут вздохнуть с облегчением – все будет хорошо.

Молодой охотник племени пещерных людей Кас, сын вождя Урсу, поскользнулся на мокром выступе скалы и сильно поранился. Тогда пещерные люди сами пришли к очагу Синака с добычей и положили ее перед вождем Синака и попросили помочь Касу. В их племени не было того, кто изгонял злых духов, разбирался в травах и корнях и умел делать из них полезные снадобья.

Синака принял дары. К пещерным людям отправился Велес, который взял с собой сына Таука. Вначале Велес долго осматривал молодого воина, потом попросил принести несколько веток, очищенных от листьев, куски старой коры и жиры животных, которые охотники добывали на охоте. После того, как все его просьбы выполнили, Велес обмазал ногу Каса соком травы, которую они с Таука всегда собирали в первые дни теплого времени, затем приложил листья большого дерева, что стояло на берегу Бурного потока, потом наложил кору, поверх нее расположил толстые прутья и крепко замотал их жилами. Другие неопасные ушибы Велес растирал горячими камешками, которые ему грели на костре.

В это время Таука, примостившись на корточках, разглядывал, что делал старик в глубине пещеры на большом камне. В руках Кетриса, так звали старика, обычная галька после нескольких точных и сильных ударов другой галькой превращалась в заготовку для каменного ножа, зубила или скребка.

Старик заметил интерес мальчика и поманил его к себе. Таука приблизился и увидел, что все вокруг старика завалено плоской галькой, которой полным-полно на берегу Бурного потока и на которой сам Таука любил рисовать... Но чуть поодаль Таука разглядел плиту, где аккуратно были сложены особенные камешки. На них были изображены лоси, рыбы, птицы, носороги... Старик протянул Таука чистую гальку и скребок.

– Попробуй.

Таука осторожно взял. Повертел их и провел скребком по гальке. Осталась заметная полоса. Провел еще раз и уже сильнее – полоса проступила явственнее, и бороздка от скребка стала ощущаться кончиками пальцев.

– Сильнее, – сказал старик и показал, как это делает он.

...Таука был смелым учеником. Последующие линии он делал гораздо увереннее.

– Ты помнишь, как выглядит лосиха или рыба? Попробуй перенести их на камень?

...Отец еще долго отгонял злых духов от молодого охотника, до самого появления Белого шара, а Таука все это время возился с галькой и скребком.

...После мальчик часто приходил к старику в пещеру. Он сразу же подсаживался к нему, выбирал большую гальку и начинал высекать на ней животных, которых добывали охотники, на гальке появлялся Бурный поток, пойманная рыба, люди на берегу...

Старик был доволен тем, что делал мальчик, а если у Таука что-то не получалось, подсаживался рядом и помогал. Поделки Таука старик складывал отдельно. Постепенно их образовалась внушительная горка. Лучшие камни старик позволял уносить с собой.

Каждый раз, возвращаясь из пещеры, Таука дарил свои гальки. На них люди Бурного потока узнавали свои охотничьи трофеи...

Так продолжалось до тех пор, пока пещерные люди не снялись с насиженных мест и не двинулись вниз по течению Бурного потока.

Но и после их ухода Таука приходил в пещеру. Брал галечник, скребок и делал рисунки. А потом как-то вышло само собой, что он стал наносить их на стены самой пещеры, ведь там теперь никто не жил и рисунки никому не мешали. Таука разводил костер и рисовал: вот лосиха поджала ноги, словно готовится к прыжку, а рядом лосенок, он устремляется вслед за матерью, а вот Лось, который смотрит на подругу.

Таука показал изгороди-загоны, которые охотники ставили на открытых местах, чтобы направить животных туда, где их ждали меткие охотники и ямы-ловушки.

Еще Таука показал человека с рогами и флажками. Это махальщик держит палки-махалки для облавной охоты...

...Прошло еще много восходов и закатов Огненного шара с момента ухода пещерного племени. Люди с берегов Бурного потока нередко возвращались с охоты без добычи, ведь звери тоже уходили в поисках новых пастбищ.

Однажды вождь племени отправил Велеса и еще несколько мужчин на разведку вниз по течению Бурного потока. После возвращения следопыты долго разговаривали с Синака. Только к вечеру усталые разведчики наконец разобрались по семейным углам большой пещеры.

Таука нашел отца очень расстроенным. Они ушли к Бурному потоку – отец не хотел, чтобы кто-нибудь услышал их. На берегу Велес продолжал молчать, и только когда Таука взял его за руку, начал говорить:

– Мы видели деревья, которые уже скинули свои листья и цветы. Трава пожухла. Мы не нашли следов зверей, мы смотрели, как птицы улетают большими стаями.

– Отец, нам придется покинуть наши берега?

– Нужно искать новое место для племени. Пять восходов и закатов нашего пути – нет тепла, нет лося, нет оленя. Не слышно и не видно птиц. В лесах тишина...

Нужно искать Ангариду и Байкалию, о которой рассказывали пещерные люди. Там много зверей и много бурных потоков, которые сливаются в расщелину. Вождь пещерных людей рассказал мне об этой Земле, где Огненный шар не только светит, но и греет. Он повел своих людей туда. Но никто не знает, сколько восходов и закатов должно пройти, пока откроются новые берега.

– Откуда пещерные люди узнали об Ангариде и Байкалию?

– Завтра мы пойдем с тобой к каменной стене, где обычно охотились пещерные люди. И ты все узнаешь сам.

ИСТОРИЯ, РАССКАЗАННАЯ ПЕЩЕРНЫМИ ЛЮДЬМИ

Могучая каменная стена без конца и без края тянулась на многие и многие восходы и закаты. Она отгораживала земли пещерного племени и охотников с берегов Бурного потока от того, что было за ними. Много раз смельчаки пытались преодолеть эти скалы, но, увы! Никто не знал, что происходит по ту сторону, и остроконечные вершины оставались препятствием для человека. Со скал налетал ветер, который «рвал» и «кусал» холодом племени, Бурный поток и его берега, заваливал снегом вход в жилище пещерного племени, заставлял людей кутаться в шкуры и делать костры большими...

И если раньше вслед за холодами, стужей и снегом приходило тепло, то теперь оно словно забыло о берегах Бурного потока...

Продолжением скал были холмы, покрытые лесом. В одних местах он был такой густой, что даже свет Огненного шара с трудом проникал в его чащи. В других он оказывался редким, настолько, что позволял видеть Бурный поток и все, что происходит внизу. На холмах пещерные люди устраивали охоту. Они поднимались к скалам, а затем спускались вниз, с криками и шумом выгоняли добычу, которую у подножия холмов поджидали охотники.

В одиночку к скалам ходил лишь Кетрис, которому духи позволили переносить животных и людей на плоские поверхности скал и на такие же ровные и гладкие плиты у самого их подножия.

Когда-то у Кетриса были родители, брат и сестра. Мать умерла, узнав, что отец погиб на охоте. Брат давным-давно ушел с племенем, которое двинулось на юг. Он был молод, ловок и отлично управлялся с пращей и гарпуном. Такой мужчина всегда пригодится в любом племени.

А сестра, спустя какое-то время после ухода старшего брата, стала женой ловца птиц из племени, которое обитало в нескольких десятках восходов и закатов от пещерных людей. Там было мало женщин, и в поисках жены он пришел к пещерным людям. Как сложилась судьба сестры, Кетрис не знал, но был уверен, что у нее все хорошо, потому что сестра была ласковой и трудолюбивой женщиной.

Теперь Кетрис был совсем один, и у него не было ничего, кроме места в пещере у очага, где он делал каменные орудия для охоты и всякую мелочь, столь необходимую сородичам буквально каждый восход и закат.

К скалам он ходил в поисках особых заготовок, из которых получались хорошие ножи, тесала, зубила и скребки, наконечники для дротиков и стрел. А еще он собирал красный мох и такого же цвета окатыши, которые дробил в порошок в углублении, сделанном на выступе большого камня внутри пещеры. Затем смешивал все это и получал красную вязкую массу, которой намазывал выбитые линии на скале.

Что рисовал Кетрис? Птиц и животных, охотников и шаманов, Бурный поток и пойманную рыбу. Все самое важное в жизни племени, все, что определяло его выживаемость. Недавно охотникам посчастливилось добыть гигантского оленя. И эту историю запечатлел камнедел. Чтобы сделать оленя таким, какой он был на самом деле, Кетрису пришлось вначале соорудить возвышение. На это ушло много восходов и закатов. Зато животное выглядело в натуральную величину. Вскоре к оленю «добавился» шерстистый носорог, затем птицы. Потом берег Бурного потока, Огненный шар, махальщики...

Однажды в их пещеру пришли охотники с запада. Были они сильно уставшими, а один из них к тому же поранил ногу. Им разрешили переночевать и отдохнуть. Женщины помогли раненому так, как их учил Велес – приложили к ране листья и перевязали их сплетенными в косичку нитями из трав. В благодарность чужестранцы подарили вождю хорошее огниво и сухой мох.

Охотники рассказали, что посланы искать пути в Ангариду и Байкалию.

– Никогда не слышал о них, – покачал головой вождь Урса.

– Сами мы тоже никогда не слышали о таких берегах. Но странник с далекого востока много рассказывал о них. Он говорил, что если долго-долго спускаться вдоль Бурного потока, то непременно попадешь вначале в Ангариду, а затем и Байкалию. Там много рыбы и птицы, а еще там тепло и мало ледяных ветров.

– Кто вождь этих берегов?

– Этого мы не знаем. Нас отправили искать путь, и мы идем вдоль Бурного потока. Там, где мы жили, уже давно не цветут деревья, а зверя осталось очень мало. Холодные ветры дуют от восхода до заката.

Вождь покачал головой.

– Холод везде, ветры дуют туда-сюда. Охотники жалуются на то, что добычи все меньше. Мы просим вас оставлять на скалах пометки, которые помогут и нам, когда мы двинемся к иным берегам.

Кетрис внимательно слушал чужаков, а утром после их ухода взял побольше скребков, долот, зубил и отправился к скалам, рассказывать обо всем услышанном.

СВИРЕПАЯ СКАЛА У БУРНОГО ПОТОКА

Когда предстояло принимать важное решение, Синака уходил к Свирипой скале у Бурного потока. Имя скале он дал лично еще в те времена, когда был простым охотником и, как все мужчины племени, каждый день отправлялся в поисках добычи. Это была история давнего времени...

...Три восхода тому назад охота случилась удачной, племя не голодало. Всем досталось мясо гигантского оленя, и мужчины решили пополнить запасы рыбы.

Вначале охотники, в числе которых были Синака и Велес, шли не торопясь верховой тропой вдоль Бурного потока до Теплой заводи. Она образовалась после большой воды, скатившейся с гор. Мелководье хорошо прогрелось даже в холода и быстро заросло высокими травами. Место облюбовали птицы и рыба – здесь ее было особенно много.

...В чистой воде Теплой заводи был виден каждый камушек, каждая травинка. Ходи себе с гарпуном, и если ты сноровист и быстр – без улова не останешься.

Рыбы тогда набили быстро, а заодно уток. Все были довольны и благодарили духов Бурного потока и Теплой заводи, которые послали удачную охоту и рыболов.

Пока все были заняты приготовлением пищи и нанизывали пойманную рыбу на кукан – длинную ветку, очищенную от листьев, самый молодой и неопытный охотник по имени Велес решил искупаться. В какой-то момент хитрое течение вырвало его из Теплой заводи, и вот он уже оказался в Бурном потоке. Велес барахтался и пытался вырваться, но только тратил попусту силы – течение было сильнее и крепко держало его в объятиях. Велес понял, что ему не справиться, и стал громко звать на помощь. Первым в воду кинулся Синака. Велеса тащило к скалам, где Бурный поток метался между большими валунами, которые торчали из воды, отскакивал от них, сердясь пенился, шумел, разбрасывал крупные брызги.

Синака успел вовремя – Велес выбился из сил и уже слабо сопротивлялся стихии. Бурный поток победил его и вот-вот собирался утащить в свою подводную обитель.

Синака изловчился, схватил Велеса за косу и крепко намотал ее на руку, так, что теперь отнять Велеса Бурный поток мог, только победив еще и Синака.

Синака изо всех сил плыл к берегу – Велес как мог помогал ему. Наконец они оказались на мелководье, где Бурный поток разливался широким руслом. Метрах в двадцати от берега поднималась скальная терраса, в которой чернела большая дыра. Синака решил, что это вход в пещеру, там можно обсушиться, а если повезет, то и согреться.

И это действительно была пещера. Велес к тому времени пришел в себя.

– Спасибо, Синака, ты спас мою никчемную жизнь, я чуть не погубил себя и тебя. Я твой должник, Синака!

– Запомню твое обещание. Мы живы, потому что духи спасли нас. Ты можешь идти?

– Могу. Я постараюсь не быть обузой.

– Хорошо, побудь здесь, а я осмотрю пещеру, похоже, никто из племени никогда здесь не был.

Синака начал осматривать вход и на тех участках пещеры, куда падал свет, увидел отчетливые линии скальных рисунков! Синака быстро выскочил из пещеры, собрал сухой плавник и пожухлую сухую траву, вернулся и точными движениями высек искру, ударив кремнем о камень. Костер был небольшим, но, насколько позволял его свет, Синака понял – рисунками были покрыты, кажется, все стены.

«Наверное, она была домом для других людей», – решил он.

В ответах колеблющегося пламени рисунки словно бы оживали. Казалось, лось вот-вот стремительно помчится в лес – передние ноги его были согнуты, а задние уже распрямляются... Сейчас он ударит копытами и прыгнет вперед...

А вот рыба, такую он сам много раз вытаскивал из вод Бурного потока.

Синака двигался вдоль стены и явственно различал оленя, который спустился к берегу на водопой, опять лось и лосиха, рыба, утка... А вот люди с поднятыми руками – махальщики, недалеко был выбит медведь, который поднялся на задних лапах.

Синака задержался около рисунка зверя, и в ту же секунду в пещере раздался страшный рев, такой, что, кажется, стены содрогнулись от громоподобного звука. Синака и Велес, не сговариваясь, прижались к стене. Синака вытащил каменный нож, который всегда был у него при себе. Рев повторился.

– Логово свирепого медведя, – прошептал Велес. – Мы забрались в логово пещерного медведя!

– Похоже. Когда он приблизится, постарайся отвлечь его. Хотя бы на мгновение.

– Я постараюсь, но очень страшно, Синака!

– Велес, мне тоже страшно, но нужно, чтобы он отвлекся.

Грозное ворчание продолжалось, хищник явно учуял чужой запах и шел напрямик на охотников.

Сердце у Велеса и Синака колотилось так, что, казалось, зверь слышит его биение и идет именно на этот звук. Ладонь, в которой Синака сжимал нож, стала влажной и, кажется, он вообще перестал чувствовать его деревянную рукоятку.

«Неужели это и все, неужели именно так приходит забвение?» – мелькнуло в голове у Синака.

Медведь издал такой рык, от которого сотряслась сама пещера. Зверь встал на задние лапы, и привыкшие к темноте глаза охотников смогли различить его силуэт. Он был огромен!

На какое-то мгновение пещерный медведь замер, начав громко и часто вдыхать воздух, словно бы проверял, не обманулся ли он с добычей, и издал громоподобный рык.

...И тут случилось что-то невообразимое. Вначале послышался тонкий писк, который быстро превратился в какой-то особый свист, малоприятный для ушей человека – он больно резал слух. А еще через мгновение пещера наполнилась невероятным шумом, как будто тысячи птиц закурлыкали одновременно. И в воздух поднялись тысячи, а может быть, и многие тысячи... летучих мышей, которых медведь своим рычанием растревожил. Летучие мыши набросились на того, кто нарушил их покой. Большого вреда они ему, конечно, не могли принести, но от неожиданности и удивления подобной наглости, что ему, хозяину здешних мест, дали отпор, от резких звуков, которые резали медвежье ухо, толчков и тычков нападающих зверьков хозяин пещеры, забыв о главной добыче, стал искать пути отступления. Он все еще рыкал и отмахивался от пикирующих мышей, но их было невообразимое количество, и они добились своего – медведь бросился к выходу к Бурному потоку, кинулся в него и уплыл на противоположную сторону.

Все это время Велес и Синака боялись пошевелиться, чтобы не привлекать внимания летучих бойцов.

...Они еще долго лежали меж камней, боясь выйти из пещеры, где их, возможно, поджидал зверь, но в конце концов решились выбраться. Снаружи никого не было – медведь, посрамленный маленькими зверьками, скрылся. Велес и Синака быстро двинулись в сторону лагеря.

Синака назвал это место Пещерой у Свирипой скалы...

И вот теперь, в преддверии принятия важного решения о поиске новых берегов, Синака решил отправиться к пещере у Свирипой скалы.

ЧТО РАССКАЗАЛА ПЕЩЕРА У СВИРЕПОЙ СКАЛЫ

Велес не вспоминал о пещере у Свирипой скалы. Да и зачем? Мало ли историй случается постоянно то с одним, то с другим охотником племени. Но неожиданные рассказы вождя пещерного племени вернули Велеса к этой стародавней истории. Да и как пройти мимо рассказа пришельцев об Ангариде и Байкалии? Воспоминания нахлынули разом, и Велес вспомнил, что он видел то, о чем

подробно, хотя и путано, говорили чужие охотники. Ну, конечно! В той самой пещере у свирепой скалы! На стенах ее они мельком, но видели фигуры животных, людей, толстые линии воды...

И какие-то из рисунков явно совпадали с тем, о чем, пусть отрывочно, рассказывали пришельцы. Ангарида и Байкалия! Мир водных потоков!

Велес нашел Синака на берегу Бурного потока.

– Приветствую тебя, вождь, я хотел предупредить, что утром отправляюсь к Свирепой скале.

Синака улыбнулся.

– Как часто, Велес, наши мысли совпадают. Я думал об этом же. Тебя зовут в прошлое рисунки, найденные нами?

Велес согласно кивнул головой.

– Последние дни я только и думаю об этом. Мне кажется, что рассказы вождя Урса и пришельцев я где-то видел.

Синака строго посмотрел на Велеса, а потом рассмеялся.

– Мы пойдем вместе. Разве я могу рисковать таким камнеделом, как ты? Вдруг в тех местах вновь поселился пещерный медведь?! Нет, Велес! Без твоих ножей, наконечников, скребков и игл племя не сможет жить.

– Синака, позволь взять с собой Таука, он тоже хорошо говорит с камнем, иногда лучше, чем я. Из него выйдет новый хороший камнедел, и к тому же у него дар – животные на гальках и скалах из-под его руки бегут легко и быстро.

Синака кивнул головой.

– Бери Таука. Скажи, Велес, что ты хочешь найти в пещере?

И Велес стал рассказывать о своих догадках...

...На следующий день, когда Огненный шар еще только-только собирался всходить, Синака, Велес и Таука отправились к пещере у Свирепой скалы. Многое изменилось здесь за прошедшие восходы и закаты. Бурный поток так же шумно и стремительно мчал свои воды, но песчаная отмель расширилась за счет самого потока, так что складывалось ощущение, что преодолеть его теперь не составит особого труда. А ведь когда-то это было трудной и даже опасной задачей.

Кустарник по обоим берегам явно поредел. Куда подевались густозаросшие подлески, за которыми вполне мог скрываться кабан или детеныш оленя, антилопы или даже бизона. Проплешины попадались часто, они оголяли берега Бурного потока и свидетельствовали о наступающих переменах в природе.

– Велес, ты уверен в своих догадках?

– Не могу сказать точно, я был очень напуган, и мы слишком быстро покинули Свирепую скалу. Но, когда пришельцы рассказывали свою историю и отвечали на вопросы, мне показалось, да, мне показалось, что на стенах пещеры было нарисовано что-то похожее.

– Велес, ты не изменился. Тебе все время что-то кажется.

– Синака, я всего лишь камнедел! А ты вождь племени!

Синака махнул рукой.

– Я уже слышал это от тебя, Велес, много раз. Духи решили в этой жизни, чтобы я был вождем, а ты снабжал племя хорошим инструментом и орудиями охоты. Возможно, когда-нибудь они изменят свой выбор и мы поменяемся местами.

– Синака, попроси духов не делать меня вождем, ты – это правильный выбор. Я никогда не смог бы вести за собой племя. Я камнедел.

– Хороший камнедел, а теперь еще и разгадыватель рисунков на скалах. Велес – скальный охотник, ведь ты пытаешься добыть то, что спрятано в пещерных рисунках. А ведь когда-то мы вместе смотрели на них, но я ничего не заметил, а ты вспомнил...

Разговоры взрослых Таука были неинтересны. Он занимался своим делом: внимательно смотрел под ноги – не попадет ли особенная галька или другой плоский камешек, пригодный для рисования. Бугорок земли прямо на его пути – Таука машинально хотел отбросить его носком кожаной обуви и тут же пожалел – бугорок остался цел и невредим, а палец ноги пронзила сильная боль.

– Ой, больно, – воскликнул он, упав на колено и растирая палец ступни.

Услышав вскрик мальчика, Синака и Велес остановились.

– Таука, что случилось? – поинтересовался отец.

Но мальчик не услышал вопроса, потому что внимание его привлек этот самый бугорок, так больно поранивший его. Своим каменным ножиком Таука обкопал торчащий из-под земли предмет. Это был не какой-то осколок или кусок кости, выдавленный на поверхность, но прочно застрявший в почве. Это была самая настоящая птица! Наружу торчал только хвост, о который он и запнулся. Когда Таука расчистил предмет и, наконец, извлек его из почвы, оказалось, что фигурка птицы сделана из куса бивня мамонта.

– Отец! Смотри, что я нашел, – Таука подбежал к взрослому. – Это птица – вот крылья, клюв. А эти насечки – перья.

Велес взял кость из рук сына и долго вертел ее.

– Действительно, птичка. Возможно, ее потеряли люди, когда двигались этим же путем.

– Этим же путем? Двигались? Куда?

– Я не знаю, – пожал плечами Велес. – Ну, возможно, туда же, куда и мы двигаемся.

– В пещеру?

– Может быть. Но эта птичка вырезана не мной и не Таука. Значит, кем-то другим. Предположим, какое-то племя двигалось на юг в поисках новых берегов, и камнедел или его сын, или дочь случайно обронили одну из поделок?

– Значит, этим путем все-таки кто-то ходил. Возможно, это действительно правильный путь в теплые земли...

Синака произнес эти слова и внимательно посмотрел на Велеса. Тот также не мигая смотрел на вождя.

– И... – почти одновременно протянули оба.

– И получается, – начал Синака, – что они могли знать, куда идут. Знать об Ангариде и Байкалии.

– Могли.

– И это могли быть тоже охотники, которых посылали разведать путь и оставить в безопасном месте, защищенном от ветров и воды, подсказку, куда двигаться?

– И если они что-то оставили, то, скорее всего, в пещере Свирепой скалы!

– Точно, в пещере Свирепой скалы.

Они убыстрили шаг, и вскоре показалась пещера, которая много лет назад встретила их на охоте. Все та же высокая, почти безлесая скала, черная дыра у подножия – вход. Внешне все тихо, ничто, как и тогда, не указывает на опасность – логово огромного и страшного пещерного медведя и тучи летучих мышей.

У входа остановились, прислушиваясь, не раздастся ли какой звук из этой черноты. Но все было тихо. Как и тогда, много лет тому назад, из пещеры тянуло сыростью и страхом. Дыра-вход была сплошь в лавтаках паутины, которая сплела ветки кустарника и травы, поймала брошенные ветром листья и прочий сор.

– Я пойду первым, – сказал Синака. – Потом Велес и Таука. Если вдруг на нас нападет пещерный медведь и нам не удастся отбиться, беги, Таука, без оглядки, залазь на первое попавшееся высокое дерево.

Прошло еще какое-то время.

– Что там, Синака?

– Тихо. Велес, давайте добывать огонь.
...Наконец они осторожно, затаив дыхание, попали в пещеру. Синака шел первым, крепко сжав в одной руке рукоятку каменного ножа, сделанного много лет назад Велесом. В другой у него был факел. За Синака шли Велес и Таука. У них тоже были факелы – запасные.

В пещере стояла тишина. Памятью о полчищах летучих мышей, которые победили свирепого пещерного медведя, люди вначале осмотрели верхние ярусы пещеры – там было пусто. Вероятно, летучие зверьки уже успели перебраться в более теплые места.

В отсвете факелов стали заметны рисунки на стенах. Неровное, колеблющееся пламя словно бы передало им часть своего движения, и казалось – животные и люди на скалах медленно двигались.

Таука замер перед огромными лесом и лосихой. Вид у них был очень встревоженный, настолько, что волнение это передалось мальчику. Чего испугались исполины? Что могло так взволновать этих сильных животных?

Рисунки уходили вглубь коридора, который тянулся от входа и растворялся там, куда свет от факелов не доставал.

– Взгляните, эти рисунки словно один сюжет, люди и животные двигаются в одном направлении, – подметил Велес.

– По ходу Бурного потока, – добавил Синака.

И действительно, если присмотреться, то головы животных и птиц были высечены на стенах в одном направлении – Бурного потока.

Большой зал пещеры был разрисован сверху донизу, на сколько художнику удалось подняться, лосями, птицами, махальщиками и водой... Выбитые линии мастер заполнил черной краской. Со всех сторон в животных и птиц летели стрелы. Вероятно, это была сцена большой охоты.

Из главного зала пещеры начиналась широкая галерея.

– Смотрите, мамонт, – Таука поднял свой факел повыше и все увидели мамонта. Его тело было покрыто насечками – шерстью. Вокруг мамонта стояли человечки с флажками – это были загонщики-махальщики.

Неужели огромный зверь мог испугаться маленьких охотников, и они криками и шумом заставили его двигаться в нужное место, где его ждала неминуемая гибель?!

Синака, Велес и Таука двинулись дальше по каменному коридору. На стенах его все чаще стали появляться волнистые линии. Одна переходила в другую, словно бы вливалась в нее, и линии становились толще и длиннее.

– Это вода! Это Бурный поток, – воскликнул Велес. – Смотрите, вот челны, в них люди, они плывут по Бурному потоку!

– Да это же Свирепая Скала и вход в пещеру, – прошептал Таука.

И действительно, это была знакомая скала, в пещере которой они находились в данный момент. Еще через несколько метров одиночные волнистые линии стали объединяться, образуя гигантский новый водоем.

– Возможно, Бурный поток соединился с другими потоками – большими и малыми, – догадался Синака.

Волнистых линий стало еще больше.

– Много больших бурных потоков, – предположил Велес.

Теперь они двигались по пещерным галереям, словно сами плыли по Бурному потоку. Чем дальше, тем толще становились линии воды на стенах у художника.

На одном из рисунков потоки стали уходить в разные стороны. Тот, что слева, так и бежал себе и обрывался за поворотом галереи, а тот, что справа, еще долго петлял и тоже обрывался, но уже пересекая потолок на противоположной стене.

Все, дальше никаких рисунков не было.

– Что скажешь, Велес?

– Наверное, это все, что знал камнедел, делая рисунки. Он слышал о больших и малых потоках, о том, что они стремятся дальше, объединяясь и разбегаясь к другим берегам... Он показал множество оленей, птиц, и значит, племя было с добычей...

– Таука, ты все время что-то рисовал на гальке!

Велес протянул Синака большой каменный «блин». Тот бережно взял его и, рассматривая, стал рассказывать, что нарисовал Таука.

– Получается, что Бурный поток где-то на своем пути становится еще шире, принимая другие потоки, и они бегут вместе. На пути Бурного потока люди видели много птичьих стай и животных. Они даже охотились на мамонта.

– Они могли и не видеть всего этого, но услышать от других охотников, – уточнил Таука.

Синака согласно кивнул и продолжил сам «читать» каменную «книгу».

– Поток делает одну петлю, другую, третью и вновь распадается на несколько. Один из них, самый широкий, уходит туда, где встает огненный шар. Возможно, там и лежит Ангарида и Байкалия, о которых рассказывали чужие охотники?

– Возможно, по пути встретятся и другие подсказки камнедела, – добавил Велес.

– Возможно. Но теперь мы хотя бы знаем, что Бурный поток уходит далеко-далеко. И я могу объявить племени, что настало время уходить от холодов в поисках теплых берегов...

ПЛЕМЯ УХОДИТ НА ПОИСКИ АНГАРИДЫ И БАЙКАЛИИ

С каждым днем становилось холоднее. Хорошо, когда ветра не было и порывы его не заставляли людей отсиживаться в пещере. Плохо, когда вдруг начинал валить снег и мужчины не могли выйти на охоту, а женщины и дети не собирали для костра валежник и плавник, выброшенный Бурным потоком. Тогда в дело шли кости животных – они разгорались медленно, но горели долго и давали много тепла. Их старались использовать во время непогоды, когда Огненный шар больше светил, чем грел.

В один из таких дней мужчины племени собрались в пещере у костра и ожидали, что скажет вождь Синака. В иной день он бы поговорил о другом, вспоминая прошедшие времена. К примеру, о хорошей охоте и рыбной ловле, которые всегда приносили племени еду, материал для одежды и разного рода полезные и нужные предметы. Сейчас Синака хотел сказать другое – люди уходили на юг в поисках тепла и еды. Зверь тоже уходил в поисках новых пастбищ.

Все вспоминали, что еще недавно в это же время было теплее. А вот теперь тепло отчего-то уходит и все вокруг меняется.

Синака понимал, что племя и так задержалось у Бурного потока, ожидая и надеясь одновременно, что холода наконец сменятся теплом. Синака знал, что люди были бы не прочь отправиться к иным берегам. Но он медлил, надеялся, что следующий день принесет тепло, и жизнь начнет возвращаться на круги своя. Увы, становилось все хуже и хуже. Разве не видно, как меняется все вокруг, как стало мало животных – олени, лоси и носороги, бизоны и кабаны тоже стали покидать эти долины, горы и холмы, деревья перестали распускать большие листья, трава не успевает пойти в рост?

И наступило время, когда следовало не обсуждать и дожидаться, а действовать. Об этом всем думал Синака, глядя на пляску веселого огня.

– Через четыре восхода и заката племя сядет в челны и отправится вниз по Бурному потоку, – тихо-тихо произнес Синака. Но все хорошо слышали его слова... – Через четыре восхода и заката племя отправится туда, где Бурный поток сливается с другими потоками и обретает новую силу...

Почему-то никто не грустил и не плакал от этих слов вождя. Конечно, всем было очень жаль покидать родные берега, где люди племени встретили и проводили столько восходов и закатов. Но времена, когда можно было надеяться на богатую добычу, когда

все взрослые мужчины участвовали в охоте на мамонта и грозного носорога, прошли, а тепла Огненного шара уже не хватало ни днем, ни ночью. Да и сам Бурный поток становился все уже и уже, тонкий ледок покрывал берега и все вокруг...

Мужчины племени готовили челны. С собой брали только необходимое, то, что могло уместиться в узких долбленках: одежду, инструменты, оружие. Духи смиловятся над племенем, духи дадут силы и помогут людям найти теплые земли, большую сухую пещеру, хорошие камни для изготовления из них ножей, скребков, долот, а еще особые камни, которые позволяют быстро добывать огненную искру для костра. И, конечно, новый Бурный поток будет так же богат рыбой, как и прежний, а новые леса и холмы – животными и птицей...

Эту ночь никто не будет спать, кроме малых детей. Племя будет прощаться с Белым шаром. Наступало время, когда он вновь наберет силу и станет круглым. И все племя будет ждать этого момента, чтобы сесть в челны, которые передовщики-башлыки оттолкнут от родного берега длинными шестами, и отправиться туда, где восходит Огненный шар.

...Утром перед самым отплытием племя увидело радугу. Семь разноцветных полос встали друг на друга над холмами. Шаман сказал, что они появились неслучайно. Старики согласно кивали головами. Конечно, неслучайно. Семь – счастливая примета – согласно кивал вождь Синака.

Значит, все семь отверстий головы – глаза, уши, ноздри, рот будут в целости и сохранности.

Значит, семь видимых частей тела – голова, шея, туловище, руки, ноги будут делать свою работу на благо племени.

Значит, семь видимых частей руки – пальцы, кисти, плечо будут крепко сжимать ножи и лук, бросать гарпун, срывать плоды, ловить рыбу...

Как же хорошо, что духи холмов и Бурного потока согласились не обижаться и не чинить уходящему племени преград. Они понимают, что происходит это не по злему умыслу, не из вредности или злобы людей племени. Просто все изменилось, и чтобы выжить, нужно двигаться вперед в поисках теплых мест, богатых лесов, стад лосей, оленей, бизонов, стай птиц...

Велес и Таука сели в челн вождя Синака. Срисованный на гальку «маршрут» из Свирепой пещеры был надежно спрятан под шкурой, которая долгие годы служила Синака защитой от холода и дождей...

...Плыли третьи сутки с небольшими остановками на отдых. Далеко позади остались знакомые берега Бурного потока, холмы, где жили люди пещерного племени, Свирепая скала.

Плыли без особых происшествий. Башлык, так называли человека на носу, который шестом «подправлял» движение челна, зорко смотрел на воду, остальные внимательно озирались по сторонам на случай непредвиденных ситуаций. Берега то приближались, то отдалялись. Растительность оставалась такой же бедной, как и у родных берегов. Следы зверя и птицы, которые искали во время остановок, были очень редкими, а запасы пищи быстро уменьшались. Во время остановок охотники промышляли зверя, а все, кто мог, пытались добыть рыбу из потока.

В одну из таких остановок Синака заметил лосиный след, который шел вдоль берега в сторону небольшого мыска, подковой врезавшегося в поток. Дав сигнал к отдыху, Синака и еще несколько взрослых охотников отправились по следу.

Обогнув подкову со стороны потока, они увидели огромного таежного зверя. Он купался недалеко от берега, не думая о предосторожности. Ведь он никогда не видел людей и не знал, что он – их добыча. Синака мгновенно оценил ситуацию и подал знак к «поколюге», знакомой каждому охотнику племени. Суть «поколюги» заключалась в том, что, когда лось, обожающий купание, уйдет с головой под воду, ловкий охотник подплывает к нему и бьет острым наконечником копья в шею. Опасный вид промысла – от боли и неожиданности могучий зверь становится опасным и непримиримым для своего обидчика, и тогда смелого охотника может спасти только ловкость и быстрота. Лось выскакивает из воды и, если рана не очень глубокая, бежит изо всех сил, хотя в итоге все равно погибнет.

Если же удар был точным и глубоким, сохатому далеко уже не уйти.

Не желая рисковать остаться без добычи в случае бегства раненого зверя и терять время на его поиски, Синака оставил одного охотника с луком на берегу с подветренной стороны, дабы лось не учуял запах человека.

Лук длиной почти в рост охотника и стрелы с каменными наконечниками – были грозным оружием. Хороший лучник с хорошим луком и тяжелой стрелой «прошивал» лося насквозь.

Каждый был готов «нырнуть» к лося, но Синака для «поколюги» выбрал Турлина, молодого и сильного охотника. Тот осторожно обогнул подкову, зайдя к лося сзади. Дождался, пока тот в очередной раз нырнет, быстро бросился к животному и молниеносно нанес удар дротиком в область шеи.

Лучнику на берегу даже не понадобилось натягивать тетиву.

«Поколюга» была настолько сильной, что зверь, выскочив из воды, только и успел сделать один-другой прыжок и рухнул на берег.

Охотники огласили округу радостным криком. Лося разделали тут же, у потока, подошедшие челны загрузили добычу. Здесь же, на берегу, добыли огонь. Несколько восходов и закатов у племени будет достаточно пищи.

...Костер горел ярко и весело, ветра не было, и тепло досталось каждому, кто в этот закат расположился вокруг огня.

Белый шар, казалось, висел прямо над людьми, и свет его бледный, хотя и тускло, но освещал людей у костра. Столп искр от сухого валежника, который собрали женщины в перелеске и на берегу потока, сам костер добавляли света, и было отчетливо видно, что лица у всех довольные и как будто успокоенные.

...Эту ночь племя проведет у костра. А тишину будут нарушать только шум потока и треск горящих сучьев...

Детей укутали в шкуры мехом внутрь, взрослые тоже накрылись оленьими шкурами, и все старались прижаться друг к другу – так было теплее и спокойнее.

...Синака подал знак Велесу, и они отправились к челну вождя.

– Что скажет лучший камнедел Бурного потока? Не испытывает ли он опасений, не тревожится ли он за племя?

– Синака, я всего лишь камнедел, а не шаман. Я не разговариваю с духами. Я просто камнедел. Но смотри, люди сыты и в тепле. Никто не грозит им и они спокойны. Похоже, ты сам чем-то встревожен?

– Встревожен, Велес! Конечно! Я просто не знаю, куда веду племя! Мы плывем в неизвестность, так далеко мы никогда не забирались. Я не знаю, что будет завтра, где нас застанет ночью Белый, а днем Огненный шар. Есть ли вообще Ангарида и Байкалия? Может быть, это все выдумки злых духов, а там, где восходит Огненный шар, край пропасти?

– Синака, каждый раз, когда я выбираю гальку для того, чтобы сделать на ней рисунок, мне кажется, что она очень хорошая. Но когда начинаю резать и тереть ее резцом, что-то может пойти не так, как задумывалось. Оказывается, загадывать наперед легко, но не всегда удачно. Всякий раз появляются трудности, которые не ждешь. Ты вождь, Синака! Кто лучше тебя знает, куда нам идти!

– Мне кажется, мы бредем в сумерках.

– Не так все плохо. Смотри, у нас есть еда на несколько дней. Горит костер и у нас есть тепло. Дети не плачут. Синака, духи поддерживают нас.

– Духи поддерживают нас, – повторил Синака. – Камнедел, ты говоришь слишком уверенно и твердо.

– Мы стараемся быть такими же твердыми, как галька. Но, Синака, ты должен помнить – камень поддается резцу. А резец легко сломать, если сильно надавить на гальку.

– Духи оберегают нас – снова прошептал Синака.

– Мы обязательно найдем свою новую пещеру, вождь. Люди племени верят в тебя, в то, что на новых берегах племени будет так же хорошо, как было когда-то у Бурного потока.

... Как и все племя, Таука примостился у костра. Мужчины крепко спали, уставшие в пути, от сегодняшней охоты, смены берегов, к которым привыкли и прикипели всем сердцем. Дети спокойно спали, набираясь сил на завтрашний день. Женщины следили за костром, подбрасывая ему пищу, сами они отдохнут, когда челны снова отправятся в путь – они смогут поспать на воде.

Таука крепко спал, как настоящий охотник, словно это он добывал лося, разжигал костер, таскал из перелеска сучья и плавник с береговой полосы. И сегодня ему ничего не снилось.

ВЫДАЮЩЕЕСЯ ИЗОБРЕТЕНИЕ ТАУКА

Ранним-ранним утром, когда Огненный шар только-только начинает свое восхождение по небесному пути и ночь медленно рассеивается в дневных красках, Белый шар словно бы покрывает туманная пелена, он постепенно тускнеет, а затем и вовсе растворяется в дневном свете. Вот в это время охотники Бурного потока отплывали от гостеприимного берега, где они нашли еду и ночлег.

Течение несло челны, и башлыки с длинными шестами в руках старались держаться середины потока, чтобы не налететь на опасный выступ подводной скалы или невидимый валун.

Пока плыли, Таука не терял времени даром. Примостившись в челне, он достал большую плоскую гальку и стал рисовать события прошедшего дня. Волнистыми линиями показав воду, потом купающегося лося, чуть подальше охотника с луком на берегу и, конечно, охотника, который добыл для племени еду.

Велес смотрел, как легко и спокойно работает Таука, и радовался – мальчик явно преуспел в камнедельных упражнениях.

Когда Огненный шар поднялся над головами и стало ослепительно светло, увидели – поток расширился, а течение замедлилось.

Прошли мимо небольшого безлесого островка. По пути встретился еще один остров. Он был побольше, но тоже голый, усыпанный валунами и галькой.

Стали меняться берега. То тут, то там попадались клочки земли с зеленым травяным покрытием. В одном таком месте Синака решил сделать привал. Челны пристали к берегу.

Пока взрослые сушили у костра, Таука, как всегда, решил пополнить свой запас плоской гальки. Он медленно шел вдоль берега, высматривая подходящие камешки.

Взгляд его уткнулся в корягу, которая находилась в воде совсем недалеко от кромки прибоя. Она стояла так, словно была вкопана, и едва-едва покачивалась на спокойной волне.

Подойдя поближе, он увидел в коряге углубление, такое же, как делают дети на берегу Бурного потока, чтобы кидать туда мелкую рыбешку, пойманную старшими. Когда он приподнял корягу, вода в ней осталась на том же уровне, что и раньше.

Еще не понимая зачем, Таука потащил корягу к костру. Женщины жарили мясо на углях. Оно явно подгорело и стойкий запах горелого витал в воздухе.

На Таука обратили внимание только тогда, когда он подтащил корягу ближе к костру, а в огонь бросил несколько галек. Это вызвало неодобрительные возгласы женщин – зачем костру галька, а уж мокрая коряга и подавно. Кроме едкого дыма от нее не будет никакой пользы.

Несколько раз Таука ходил к потоку, чтобы наполнить углубление в коряге. Когда камни раскалились, Таука подцепил их с помощью двух небольших рогатинок и опустил в углубление в коряге. Камни зашипели, пошел пар. Таука вытащил камни и снова положил на жаркие угли костра. А потом снова опустил их в корягу с водой. Он попытался вытащить камни рукой, но отдернул руку от боли – вода стала очень горячей. Он ловко вытащил камни с помощью ножа и рогатины, и снова галька легла в костер.

У отца он выпросил кусок мяса. Порезал его на небольшие кусочки и бросил в горячую воду. И снова камни опустились в воду, затем снова легли на угли костра. В какой-то момент вода в коряге закипела.

Женщины с удивлением наблюдали за действиями Таука. Они сгрудились вокруг мальчика, недоуменно пожимая плечами, громко и неодобрительно восклицая. Услышав шум, потянулись мужчины. Не обошлось без Синака и Велеса. Практически все племя, кто с любопытством, кто с нескрываемым недовольством глядели, что делает Таука. А он, не обращая внимания на галдеж, осторожно достал мясо из коряги. Попробовал съесть. Кивнул отцу. Тот осторожно взял кусочек и стал жевать так, как привык есть поджаренное, и, как правило, обугленное мясо. Велес улыбнулся и, причмокивая, потянулся за новой порцией. Отведал еду Таука и вождь Синака. Ему она тоже очень понравилась. Синака заулыбался и потрепал мальчика по голове.

Видя такую реакцию вождя, теперь уже все потянулось за мясом. Послышались одобрительные возгласы – мясо было нежным, не нужно было выкидывать обгорелые кусочки. Синака, в последнее время все больше суровый и не улыбкающий, по-детски радовался новой еде – такого вкусного мяса он давно не пробовал.

– Вкусно, Таука. Это очень хорошо. Значит, в этой коряге можно готовить рыбу и коренья?

– Можно, вождь Синака, вода в коряге от раскаленных на костре галек очень горячая, и она делает съедобной рыбу...

Таука произнес последнее слово и было видно по лицу, что он сам чему-то удивился. У костра мальчик увидел полоску бересты. Взял и свернул так, что стало возможным зачерпнуть воду, в которой готовилось мясо, и при этом не обжечься. Попробовав ее, Таука не удержался и стал черпать и пить жидкость.

– Вождь, попробуй эту воду, она необычная после мяса.

Синака попробовал и снова улыбнулся, а потом и вовсе рассмеялся, и все возрадовались самому этому факту. Давно они уже не видели своего вождя в таком хорошем настроении. И все стали пробовать воду, где только что лежали раскаленные камни, и удивляться, что обычная вода стала жирной, с привкусом мяса.

– Таука, одна беда, таскать за собой корягу неудобно, пожалуй, нужно что-то придумать вместо нее.

Таука сегодня был явно в ударе. На глазах у племени он стал подбирать прутья от сломанных веток, траву, сплетая ее в косички. В ход пошла береста. Все вместе соединилось во что-то, напоминающее корзинку. У откоса берега Таука срыл слой почвы. Земля там оказалась глинистая – то, что и искал Таука. Он обматывал свою плетенку толстым слоем глины, а затем положил ее в самый огонь костра. Когда прутья и трава прогорели, все увидели нечто – глиняную корзинку. Емкость твердую и легкую одновременно.

Сообразив, сколько удобств принесет эта штукавина собирателям кореньев и ягод, все ахнули. Теперь коряга не понадобится!

– Ну что, Велес, – Синака от радости обнял камнедела. – Посмотри, какое чудо придумал твой сын.

Велес действительно был счастлив. Сын придумал очень полезную вещь, которую теперь может сделать каждый взрослый.

– Как же он догадался соединить воду и гальку?

– Так же, как становятся вождями, – серьезно ответил Синака, который подумал, что восходы и закаты на их пути проходят удачно, и это доброе предзнаменование. У людей племени от всего этого крепла надежда и уверенность, что они доберутся до теплой земли, найдут удобное жилище на новых берегах Бурного потока и проживут не хуже, чем прежде.

А еще Синака подумал: каждый восход и закат их пути открывает что-то важное, чего раньше не было, и это важное очень быстро входит в жизнь племени, и вскоре уже никто и не вспомнит и не удивится тому, что придумал мальчик Таука, что нарисует на скалах камнедел Велес...

Женщины племени попросили вождя Синака разрешить сшить из шкуры огромного лося меховую одежду для Таука. Вождь, конечно же, дал свое согласие...

СЧАСТЛИВОЕ СПАСЕНИЕ ТАУКА

Еще три восхода и заката прошло с того памятного дня, когда Таука придумал, как сделать горшок, в котором можно варить мясо и корни, держать воду и съедобные плоды. Все это время люди племени Синака проводили на воде в челнах, которые нес вперед Бурный поток. К берегу люди приставали только для охоты и ночлега.

И если для детей это путешествие было прогулкой или даже приключением, взрослые находились в постоянно тревоге: никто не знал, где и когда вождь скажет «Конец пути!» и прикажет вытащить челны на берег окончательно. Уже прошло много восходов и закатов в поисках теплых мест, а конца пути было не видно. Время от времени Синака доставал галечный камень и рассматривал рисунок, а потом всматривался в поток и его берега, мимо которых скользили челны, пытаясь представить, что ждет племя впереди.

Поток стал шире, но нет даже и намека, что из его воды рождается новый поток. А вдруг пещерные рисунки – просто выдумка неизвестного камнедела?

На стоянках Синака часто уединялся с Велесом, чтобы еще и еще раз обсудить изображение на камне.

– Велес, вдруг это западня? А может быть, неизвестный камнедел взял и выдумал все это? – Синака яростно сжимал гальку с рисунком.

Велес пожал плечами.

– Мы можем остановиться в любой момент. Но пока мы не встретили подходящей пещеры для зимовки, не нашли хорошего леса для охоты. Голые места не для оленей и лосей. Пока мы не найдем холмы, подобные нашим, и новые родные берега, нам придется продолжать путь.

Синака кивнул.

– Так и будет, мы ищем хорошую зимовку. Я вижу, что женщины и дети порядком устали, а мужчины быстро становятся раздражительными. Длинная дорога...

...Еще через два восхода и заката течение потока стало заметно сильнее. Теперь передовщикам приходилось быть сверхвнимательными. Вода несла челны, то и дело пытаясь развернуть, раскрутить их. Люди были в напряжении, и даже дети притихли, почувствовав, что взрослые очень встревожены.

Синака сам правил челном, как башлык. Твердой рукой он сжимал шест и с его помощью старался держать челнок прямо, не давая ему рыскать ни влево, ни вправо. Вождь был очень сосредоточен, внимательно наблюдал за течением и был готов в любую минуту в случае опасности «кинуть» суденышко в «чистую» воду.

Где-то впереди послышался шум. Он был непохожим на тот, к которому привыкли люди. Вода словно бы глухо зашуршала, тихо, потом с нарастающей силой загудела. Поток неожиданно и стремительно сделал петлю влево. Потом вправо. Между петлями вода бурлила и норовила утащить все, что можно, на дно, и, словно пресытившись, выплевывала наружу, отчего брызгами и волной вздымалась в этих петлях.

Синака изо всех сил сжимал шест, отправляя челн вслед за кривляками. Выйдя на «прямую воду», оглянулся на другие челны, которые шли следом, – башлыки успели сориентироваться и все в том же порядке следовали за Синака.

Между тем шум все нарастал и нарастал. Синака хотел было дать сигнал пристать к берегу, но было поздно. Поток сделал еще одну петлю и вылетел на участок, который бурлил и пенился на каменной гребенке, сплошным полотном устилавшей дно потока.

Челны запрыгали на этой гребенке мячиком. Башлыки с трудом пытались удержать свои суденышки. «Кипящая» вода, несмотря на все усилия людей с шестами, играючи кружила и вертела челны, у некоторых башлыков шесты от напряжения переломились, как пруттики, а другие сила потока просто вырвала из их рук и бросила в воду, где они в секунду исчезли в стихии.

Женщины прижали детей, закрыв их собой. Их крики тонули в шуме и клекоте воды...

Но это продолжалось совсем недолго. Поток стал более широким и вода спокойной. Гребенка закончилась, и всех снова вынесло на чистую воду. Челны сбились в кучу. Синака зажимал пальцы рук, потом еще и еще раз, считая челны и людей. Он весь дрожал от пережитого напряжения и тяжело дышал. Люди и челны были целы!

Он уже поднял руку и махнул в сторону берега, тем самым призывая всех следовать за ним, он уже стал разворачивать шестом нос своего челна и только сейчас понял, что на его собственном челне нет Таука.

– Велес, где Таука? – громко и отчаянно закричал Синака.

Камнедел был так увлечен борьбой с бешеной стихией, что даже подумать не успел о Таука. Ведь все случилось неожиданно и быстро!

Велес растерянно осмотрелся, машинально прошелся взглядом по другим челнам в надежде, что, может быть, неугомонный Таука перебрался на один из ближних. Но мальчика не было видно нигде.

Велес бессильно упал на дно челна и разрыдался. Его никто не упрекал, но и не старался приободрить. Потерять сына – беда ни с чем несравнимая. Оставалось уповать на то, что духам понадобился такой смысленный и талантливый мальчик, и он теперь разговаривает с ними в их пещере.

Люди в лодках сидели молча, горестно размышляя, почему духи Бурного потока так рано забрали к себе Таука! К этой горести примешивалось сожаление, что племя лишилось такого замечательного придумщика. И откуда только в голову его приходили такие удивительные вещи, которыми пользовалось все племя? Все тут же вспомнили про корягу, в которой он по-другому готовил мясо, и про его умение рисовать на гальке, и многое другое.

Какое-то время все продолжали оставаться в челнах – сидели тихо в надежде, а вдруг послышится голос Таука, вдруг он крикнет о помощи. Увы, Таука исчез, и не было никаких надежд на его появление. Сколько он мог бы сопротивляться холодной и быстрой воде? А может быть, он погиб в ту же секунду, когда сумасшедшая тряска выбросила его из челна, и он разбился о каменное ложе потока!

Еще некоторое время Синака ждал, а потом приказал двигаться к берегу.

– Будем искать Таука на суше. Мужчины пройдутся вдоль потока, возможно, мальчика течение выбросило на берег. Женщины и дети пусть готовят еду и отдыхают.

Челны уткнулись в каменистую отмель. Берег широкими террасами поднимался вверх. И только ступив на землю, люди увидели другой поток, который узким руслом врезался в Бурный почти под прямым углом. Несмотря на небольшой размер, он образовал широкую пойменную террасу. Когда следопыты поднялись по ней, то увидели, что сама пойма упирается в еще более широкое плато, а оно, в свою очередь, в высокий мыс, который отвесно поднимался вверх, а затем уже наклонно уходил выше, словно накидкой укрывая какую-то часть плато. Поток начинал свой путь, где-то там, в горах, на холмах, укутанных туманом и шапкой белого снега, а потом падал вниз на плато и стремился дальше, пробивая дорогу к большой воде, чтобы раствориться в ней.

Следопыты не стали углубляться в лес, который со всех сторон укрывал узкий поток, отгораживая его от плато, почему оно и не было заметно с водной глади большой воды.

...В лагере царило уныние. Велес так и остался сидеть в челне. Да разве можно утешить отца, потерявшего сына...

Все валилось из рук, костер разгорался медленно. Только после долгих стараний язычки пламени усилились, но вместо яркого веселого огня костер дымил. Пытались наловить рыбы, но рыбаки дважды падали в воду, поскользнувшись на камнях, и, дрожа от холода, выскакивали к костру, пытаясь согреться, но он только разгорался, и рыбаки, чтобы не замерзнуть окончательно, все время двигались вокруг него, растирая тело руками. Молодой охотник выследил птицу, но в момент, когда тетива лука уже приняла стрелу и изогнула основание для выстрела, под ногой предательски треснула старая ветка, и птица в страхе сорвалась и улетела.

Синака знал много горестных историй. Он не раз провожал к Огненному и Белому шару людей своего племени. Уходили старики, уходили храбрые охотники. Но Таука покинул племя не в бою, не преследуя горного зверя, не сорвавшись с крутой скалы, рисуя на ней удачную охоту. Никто не видел, как ушел Таука!

В какой-то момент глазастую Тую, жену Сибаса, молодого охотника, привлекли черные точки, движущиеся от пойменной террасы к берегу. Они становились ближе, пока, наконец, не стали вполне различимы. Это были люди или звери, которые, судя по всему, направлялись в сторону племени. Туя закричала, показывая рукой туда, где увидела движение. Мужчины быстро заняли оборону, женщины, схватив детей, сбились в кучу за их спинами.

Одна фигурка начала приближаться гораздо быстрее, чем остальные. Неожиданно для всех Велес кинулся ей навстречу. Никто даже не успел сделать попытку удержать его. А он, забыв об опасности, думал только о том, что, может быть, узнает что-то о Тауке.

...Чудо свершилось, это был сам Таука. Велес сграбастал его в объятия и, не стесняясь сына и его спутников, заплакал. Таука тоже заплакал. Они так и стояли, обнявшись и громко рыдая, до тех пор, пока к ним не подошли люди... пещерного племени.

В одном из охотников Велес узнал вождя Урса.

– Камнедел, возвращаешь тебе твоего сына.

– Спасибо, вождь Урса, ты вернул мне жизнь.

– Когда-то ты помог моему сыну, теперь мы помогли твоему. Наши охотники и мой сын гнали добычу в пойме. С горки увидели челны и подумали, что они обязательно пристанут к берегу. Спускаясь, увидели, что челны проскочили каменное дно, но из одного упал ребенок. Течение понесло челны дальше, а мальчишка отчаянно барахтался в воде. Хорошо, что мой сын вовремя пришел на помощь.

– Вождь Урса, не откажись от нашего костра. Вождю Синака будет очень важно расспросить тебя о новой пещере, о том, как вы встречаете восходы и закаты Огненного шара. А я с радостью найду самую большую гальку и расскажу на ней о подвиге твоего храброго сына...

В племени Синака двойная радость: неожиданная встреча с людьми пещерного племени и спасение Таука. И это все добрые знаки. И Велес, и Синака словно помолодели. Вождь улыбался, и впервые за время ухода племени с родных берегов взгляд его был спокоен, морщинки вокруг глаз разгладились.

Велес от великой радости спасения сына тут же взялся за работу и на отвесной скале у поймы небольшого потока стал рисовать, как Касу, сын вождя пещерных людей, бросился в поток спасать Таука. Вот Таука в челне. Синака и Велес в напряжении и сосредоточенно борются со стихией. Синака шестом удерживает челнок носом на волну. Его руки согнуты в локтях, ногами он упирается в дно челна.

Велес помогает ему соблюдать равновесие суденышка – он смещается с борта на борт, взад-вперед. В конце челна – Таука.

Велес нарисовал эти сценки и задумался. Он не видел, как Таука упал за борт и боролся с волной. Но он представил, как мальчик оказался один на один с потоком, как слабеет, еще мгновение – и вода утащит его в свое подводное царство. Но тут появляется Касу. Касу без раздумий бросается в поток и отбирает Таука у бурлящей воды.

Люди племени, как зачарованные, стояли и смотрели на работу Велеса. Они ни разу не видели, как работает камнедел, как он «выскребает» линии, из которых появляются фигуры людей и зверей, вода, челны. Волнительно и беспокойно начался этот день. И так же удивительно он заканчивался. В племени охотников с берегов Бурного потока люди готовились к празднику.

...Люди пещерного племени тоже радовались встрече – не меньше, чем охотники племени Синака. И те, и другие принесли к костру мясо, съедобные корни, и женщины начали готовить пищу. Таука показал Касу, как мясо можно готовить другим способом. Пещерные люди с удивлением смотрели на мальчика, который доставал из костра раскаленную гальку, бросал ее в глиняную емкость и делал это до тех пор, пока вода не стала пузыриться и шипеть, как в Бурном потоке на перекатах. Касу хотел попробовать воду в чаше, но с криком отдернул руку – она была очень горячей. А когда Таука бросил в кипящую воду мясо и корни, а спустя какое-то время предложил Касу попробовать еду, тот вначале отказался, памятуя о том, что вода больно жалила, но после уговоров недоверчиво и осторожно зацепил кусок еды своим острым каменным ножом и так же осторожно стал есть.

Касу быстро управился с первым куском и потянулся за вторым и третьим... Еда ему явно понравилась, она отличалась от мяса, приготовленного на костре, частенько подгоревшего и жесткого.

– Эй, Касу, я бы тоже не отказался что-нибудь проглотить, – засмеялся Таука. – Но ты, кажется, слопал все?!

Касу смущенно убрал нож.

– Я никогда не ел такого вкусного мяса.

– Возьми эту чашу. Ты видел, как готовится в ней еда, и теперь сможешь научить этому своих людей.

Потом Таука показал Касу, как он делает глиняную корзинку.

...Пока шло приготовление к празднику, вожди уединились. Им было, что рассказать друг другу и что обсудить.

– Вождь Урса, почему ты выбрал пещеру у этого потока? Здесь тепло, есть еда?

– После долгого плавания по Бурному потоку люди племени на совете сказали, что здесь лучше, чем на старом месте. Мы нашли новую пещеру. Она, конечно, не такая большая, как старая, но в ней тоже тепло. Зверь есть, мы видели много следов у водопада, рыбы хватает. И все это радует наших охотников и ловцов. Скоро упадет белый покров, а что нас ждет впереди, никто не знает. Мы решили этот белый покров встретить и проводить здесь. А если тепло не покинет нашу новую пещеру и зверь не уйдет, эти берега станут нашим новым домом.

Синака понимающе кивнул – может, не уйдет, может, не покинет.

– Вождь Урса, нет ли новых рассказов про другие земли?

Тот покачал головой:

– Нет, вождь Синака, со стороны восходящего Огненного шара никто не проходил мимо нас. Подумай, Синака, может быть, и вам остаться здесь, пусть на один белый покров.

– Я знаю, что люди устали. Им нужна еда, тепло и жилье ко времени, когда полетят белые хлопья. До этого осталось совсем мало восходов и закатов. Но мы двинемся дальше.

Оба вождя замолчали, но думали они об одном и том же – о своих людях.

Первым нарушил паузу Синака:

– Спасибо тебе, Урса, за сына Велеса. Таука – надежда нашего племени, мне кажется, он может стать хорошим вождем.

Урса поднял руку:

– Мы помним, как когда-то Велес вылечил моего сына. Разве Касу мог такое забыть!

Синака согласно кивнул.

– Наш камнедел Кертис тогда очень привязался к Таука. Говорил, что из него выйдет хороший камнедел, потому что мальчик умеет читать рисунки на скалах. И вот что Кертис просил передать Таука, – Урса протянул Синака большую плоскую гальку, на которой были выцарапаны сцены, знакомые каждому охотнику племени: животные, люди, птицы, вода... – Кертис сказал, что мальчик все поймет.

Синака повертел гальку, но не увидел на ней ничего необычного.

– Обязательно передам. Я попросил, чтобы Таука показал своему сыну Касу глиняную корзинку для приготовления пищи. Ее придумал Таука. И как он только додумался готовить еду совсем иначе, чем это делают наши женщины?! Он нагревает воду камнями и бросает туда мясо и коренья. Получается очень вкусно! Поверь, Урса! Оказалось, что такое мясо можно готовить впрок и надолго.

– Касу понравилось. Он уже показал мне эту корзинку Таука.

...Таука, получив подарок от Кертиса, как только не вертел гальку, пытаясь разгадать смысл подарка, прикладывал к галькам, на которых рисовал сам или срисовывал то, что видел в пещере Свирепой скалы.

– Галька как галька, – шептал Таука, продолжая рассматривать камень. – И ничего особенно на ней нету: олень, махальщик, вода. Но ведь для чего-то Кертис послал мне это.

Таука то откладывал каменную «картину», то снова брал ее в руки, снова крутил-вертел, пытаясь вновь и вновь вникнуть в смысл послания Кертиса. Что-то в этой картинке волновало Таука, что-то заставляло опять и опять «читать» и «читать» каменный сюжет! Конечно, можно было бы, несмотря на усталость и переживания последних событий, самому отправиться к Кертису и спросить старого камнедела, зачем он послал эту гальку и что Таука должен найти в ней, но, во-первых, мешала гордость. Нет, Таука сам найдет все ответы. Во-вторых, в опустившихся сумерках и в незнакомой местности идти через лес было небезопасно, и в-третьих, раз Кертис отправил этот рисунок с одним лишь комментарием: «Таука все поймет», значит, он не хотел, чтобы его тревожили.

Таука даже попытался проследить черные вкрапления в камне, серые блески, вдруг они имеют тайный смысл...

Вот грузное тело лося с крутым горбом над передними лопатками. Брюхо зверя массивное, а длинная морда – с отвисшей нижней губой. Таука знал: охотники очень ценят ее за нежный и приятный вкус.

...У лося подкосились ноги и вывалился язык – наверное, его долго преследовали охотники, и зверь упал от усталости.

Рядом с большим лосям – совсем маленький лосенок. Он тоже словно упал на передние ноги рядом с матерью. Маленькая голова детеныша уткнулась в воду. Словно он решил напиться, но поскользнулся и упал.

...Ага, огромный лось тоже в воде – волнистые полосы художника прошли по его телу.

Линии воды Кертис плавно развернул туда, где восходит Огненный шар. А в том месте, где линии воды обрывались у самого края гальки, художник сделал дугообразное пятно. Вряд ли Кертис придумал рисунок сам, ничего подобного за время пути он видеть не мог. Возможно, срисовал с наскального рисунка новой пещеры или услышал рассказ чужих охотников?!

Ничего не приходило на ум Таука...

...Племена Синака и Урса продолжали праздновать встречу и чудесное спасение Таука. Все уже знали, что охотники с берегов Бурного потока продолжают свой путь в сторону, где начинается свой восход Огненный шар. Но никто не грустил от предстоящего расставания. Движение племен, смена мест и среды обитания оставались характерной чертой этого сурового времени. Изменение климата делало человека путешественником. А отсутствие нормальных бытовых условий – мобильным. Не так уж и много он мог взять с собой в путь. И племена постоянно перемещались в поисках хороших пещер, охоты, тепла, лучших условий для продолжения рода и племени.

НОВОЕ ОТКРЫТИЕ ТАУКА

Даже Таука, и тот проснулся позднее обычного. Никак не хотелось вылезать из-под теплой меховой шкуры. Было свежо и очень-очень тихо.

Таука лежал под шкурой возле костра, где земля прогрелась и теперь отдавала тепло. Странно, но, кажется, даже поток, словно бы поняв человеческие переживания, шумел не так громко, не желая мешать людям, напоминая лишь о том, что он есть, что поутих лишь на время...

Вначале что-то неясное стало тревожить Таука, который подремывал в предутренней тишине. Но именно в этой дреме, когда наступает удивительное состояние «сплю, но все чувствую», вся мозаика вчерашних переживаний, радости встречи, поиски ответов на рисунок Кертиса сложились в мгновение, и Таука вскочил, отбросив теплую шкуру, и, дрожа от свежести или легкого тумана, который уже сходил с холмов на берег потока, бегом помчался к челну, где лежала галька с рисунком Кертиса.

Таука схватил гальку, посмотрел на нее, словно держал в руках первый раз в жизни, и... засмеялся. Он запрыгал, размахивая руками, выдвигая такие коленца, что если бы кто-то мог наблюдать его со стороны, непременно подумал бы: мальчика кто-то укусил или он вылез из холодной воды и таким образом пытается согреться.

– Ну конечно, конечно, – шептал Таука, – я должен был сразу догадаться: два лося, большой и маленький – это две горы, большая и малая, которые спускаются к воде и уходят в нее. А эта изогнутая дуга и есть новый Бурный поток! Он огромен и бесконечен!

Таука разбудил отца и рассказал о своей догадке. Велес, хотя и привык к тому, что сын – смывленный мальчик, а многие его слова обретают реальный смысл и подтверждение, вначале засомневался, но в итоге согласился с его доводами. А почему бы и нет?

– Получается, эти два каменных лося, это всего лишь знак, чтобы не ошибиться в поисках?

– Конечно, смотри, отец, вот на гальке все так и нарисовано.

– Но откуда Кертис может знать о горах-лосях? Он же не видел их сам?

– Он мог что-то слышать от тех, кто это видел, он мог узнать об этом из рисунков на скалах или какой-то новой пещеры!

– Не знаю, Таука. Возможно, твои догадки правильны. Нужно все рассказать Синака.

– Мы должны плыть, пока не найдем каменных лося!

...Синака дал возможность людям племени хорошо отдохнуть и набраться сил для дальнейшего путешествия. Никто ведь не знал, какие новые испытания ждут их впереди. После рассказа Таука и Велеса о каменных лосях хотя бы появился ориентир, а это всегда так помогает людям!

Челны отчалили от нового берега пещерного племени, когда Огненный шар поднялся над водой. Башлыки ловко орудовали своими шестами, и челны скоро скрылись за поворотом. Пещерные люди еще долго не уходили, провожая охотников с берегов Бурного потока.

И вновь вода несла их, то убыстряя, то замедляя течение. И поток становился то шире, то уже. Когда челны приближались к берегу, Таука замечал необычные деревья и кустарники, которые он раньше никогда не видел. Однажды, когда челны совсем близко приблизились к суше, появилась медведица с двумя детенышами. В страхе, что зверь нападет, мужчины схватились за луки и дротики, но Синака решил, что время охоты еще не наступило, а той пищи, что запасли во время последней стоянки, вполне хватит на длительный переход. К тому же новый способ приготовления мяса позволил заготовить еду впрок.

Медведица, увидев близко проплывающих людей, встала на задние лапы. Она была очень большой и, казалось, одним прыжком могла добраться до ближайших челнов. Но все закончилось благополучно. Зверь проводил их рыком, а медвежата, те и вовсе не обратили никакого внимания на людей и продолжали свою возню...

Когда Огненный шар стал клониться к закату и все в челнах изрядно подустали, Синака дал сигнал внимательно смотреть по сторонам, чтобы выбрать место стоянки.

Очередной кривляк челны прошли спокойно. Течение было небыстрым, не нужно было тратить силы на преодоление опасных каменных гребней, торчащих скал и валунов.

Челны вышли из поворота – и показались многочисленные сооружения, которые напоминали шалаши, такие люди племени Синака ставили на скорую руку, когда охота затягивалась и наступала ночь. Только эти шалаши были большими и высокими.

Около шалашей стояли люди... Люди на берегу и в челнах видели друг друга. Оружия в их руках не было, и они не проявляли враждебности.

Синака знаком показал, что челны хотели бы пристать.

Высокий, бородатый человек, стоящий у ближайшего шалаша, согласно кивнул. В глазах людей племени Синака он выглядел довольно странно. На нем, как и на всех остальных, была одежда из меха наружу. Она плотно и целиком облегла тело. Женщины сразу оценили ее, ведь ей не страшны ни ветер, ни снег. Дети на берегу тоже были одеты в эти сплошные меховые «мешки» с прорезями для головы, рук и ног. Со спины был приделан меховой треугольник, который в случае необходимости покрывал голову от непогоды.

Синака дал знак своим людям пристать к берегу, но с челнов не сходить. Только он сам проворно соскочил на землю.

Синака сделал несколько шагов к бородачу и поднял руки, показывая, что он не вооружен и настроен мирно. Тот в свою очередь тоже поднял руки и тоже сделал несколько встречных шагов. Тогда Синака прижал руку к сердцу и несколько раз повернулся в сторону людей, которые сгрудились на берегу. Он как бы говорил, что он и его племя вступают на их берег с добрым сердцем.

Наконец Синака и бородач приблизились настолько, что могли поприветствовать друг друга рукопожатием.

Какое-то время они еще стояли молча, и все вокруг вели себя также молча и настороженно. И только когда Синака протянул руку бородачу, а тот крепко взял ее в свою, все заулыбались. Мирное знакомство состоялось! Только тогда на берег сошли остальные люди племени с берегов Бурного потока.

Таука и Велес внимательно осматривали шалаши. Они были необычными, охотники с берегов Бурного потока такие раньше не видели. Вокруг жилища был устроен небольшой вал из плитняка и костей крупных животных. От круглых стенок вала к центру шли жерди, которые крепились к центральному шесту. Стены и верх шалаша были укреплены рогами оленей, крупными костями мамонта и носорога. А наверху все пространство перекрыто шкурами добытых животных. В центре шалаша было устроено отверстие, а везде вокруг шалаша разбросаны кости животных. В самом шалаше на земляном полу находились заготовки для орудий охоты и рыбалки, камни и кости, из которых местный камнедел смог бы сделать наконечники, скребки, иглы, ножи, тесла...

Таука быстро нашел среди людей незнакомого племени того, кто снабжал здешних охотников всем необходимым, и тот никак не хотел верить, что юный мальчик такой же камнедел, как и он сам, пока Велес не показал рисунки сына на гальке. А уж когда Таука продемонстрировал свои глиняные корзинки для приготовления пищи, то и вовсе снискал всеобщее восхищение.

Бородатые охотники осторожно выбирали кусочки мяса и кореньев из кипящей воды в глиняной корзинке, пробовали и одобрительно похлопывали Таука и Велеса.

Когда первое знакомство состоялось, вождь бородатых охотников пригласил мужчин племени Синака в свое жилище, самое большое из тех, что стояли на берегу.

Внутри жилища вождя Таука увидел статуэтки из бивня мамонта, птиц, в которых нетрудно было узнать уток и гагар. Острый взгляд Таука разглядел три фигурки, которые отличались от всех остальных. Это были гусь и утка. Утка словно плыла по воде, а гусь стоял на одной лапке. Гусь вытянул голову и склонил ее вниз. Третья фигурка, скорее всего, куропатка.

По всему жилищу были разбросаны амулеты – обереги, хорошо знакомые каждому охотнику.

Оказалось, жилище вождя было углублено в землю. В центре его сложен очаг, который был обложен вертикальными плитами из известняка. Когда в непогоду хозяин или гости открывали полог жилища, чтобы попасть внутрь или, наоборот, выйти, налетавший ветер не мог затухнуть огонь. А если пламя разгоралось сильно, каменный заслон оберегал от него деревянные жерди.

...Все расселись вокруг очага и молча ждали, пока вождь племени начнет разговор. Но он явно не торопился, продолжая с нескрываемым любопытством рассматривать людей с берегов Бурного потока.

Так продолжалось довольно долго и неизвестно, сколько бы еще длилось такое молчание, если бы Таука не нарушил ритуал. Он долго ждал, когда же наконец взрослые начнут беседу, а он сможет взять фигурки в руки, чтобы разглядеть их поближе и повнимательнее. Но, не выдержав долгой паузы, осторожно подобрал несколько близлежащих.

Хозяин увидел его движение и поманил к себе. Таука посмотрел на Синака, который сидел рядом с вождем бородатых людей, тот кивнул, и Таука смущенно приблизился.

– Тебе нравится эта утка?

– Да, бородатый вождь, это хороший камень.

Тот засмеялся:

– Раньше меня никто так не называл. В моем племени ко мне обращаются – Ритус!

– Прости, вождь Ритус, я не знал.

Тот громко расхохотался.

– Называй, как захочешь. «Бородатый вождь» – это не оскорбительное имя? – посерьезнел он и с прищуром поглядел на Таука.

– Нет, вождь Ритус, нет! – Таука испуганно посмотрел вначале на отца, потом на Синака.

– Этот мальчик учится быть камнеделом, как и его отец Велес. Он передает на камень все, что видит. Таука, ты прихватил свои гальки для подарка вождю Ритусу?

Таука осторожно подошел к бородачу и протянул ему несколько своих галек. Подарок явно понравился вождю, и он что-то шепнул своим соплеменникам. Те передали мальчику фигурки птиц – утку и гуся.

Таука взял их и по тому, какими легкими они были, понял, что сделаны они не из камня, а из дерева.

Таука удивленно посмотрел на Ритуса, а тот подмигнул ему, мол, такие вот удивительные поделки делают люди его племени.

После этого началась беседа.

– Вы давно в пути? – спросил Ритус вождя Синака.

– Очень давно, – Синака растопырил пальцы обеих рук и пять раз ударил ими о колени.

– Много восходов и много закатов, – заключил Ритус. – Скоро полетят белые хлопья. Замерзнет поток и станет непригодным для челнов, деревья останутся без одежды. Вокруг нас много свободных холмов и пещер. Может быть, останетесь на время с нами?

Синака покачал головой.

– Мы идем к большой воде, к теплым землям. Таука, покажи вождю Ритусу гальку Кертиса.

Таука достал камень и приблизился к вождю. Тот стал внимательно рассматривать рисунок, где были животные, вода, люди. Таука стоял совсем близко и видел, как напряглись черты лица Ритуса, как тот сжал ладони в кулак, как нахмурил брови.

Наконец Ритус подозвал жестом шамана племени и что-то шепнул ему на ухо. Тот вышел из шалаша, но вскоре вернулся и передал Ритусу гальку, на вид очень схожую с той, что показывал Таука.

Ритус попросил Синака и Таука приблизиться к нему. И, когда все трое оказались близко-близко, соединил камень Таука и свой. Таука ахнул от увиденного, а вождь Синака только поблел.

Ритус молча уложил оба камня на пол шалаша, и все трое уселись перед рисунками, разглядывая их. Рисунок с камня Таука словно перешел на камень Ритуса. Вот от подковы Большой воды отошла волнистая ниточка. Петля, она соединилась с другой. Вокруг

ниточек – водных потоков были нарисованы холмы – большие и маленькие. Затем появились новые ниточки-потоки и, наконец, все они растворились в подкове Большой воды.

– Ангарида, – ткнул пальцем Ритус в свой рисунок.

– Ангарида? – повторили Синака и Таука, не сговариваясь.

– Ангарида! – подтвердил Ритус. – Земля, которая лежит на юге вокруг больших и малых потоков, так рассказывал отец моего отца, который когда-то давным-давно ушел в сторону восхода с ангаридами и вернулся через много-много закатов. Это его камень, он принес его собой из Ангариды! Вы хотите услышать его историю?

Все согласно зашумели.

– Хорошо, слушайте...

РАССКАЗ ВОЖДЯ РИТУСА

Это было так давно, когда отец моего отца был маленьким ребенком. Откуда-то с гор спустились на наш берег потока люди очень высокого роста. Никто не знал, зачем они пришли. Высокие люди вели себя мирно, но ни с кем не общались, жили в своем кругу и в своих шалашах, которые вначале углубили в землю, а потом надстроили сверху.

Прошло какое-то время, и люди нашего племени привыкли к незнакомцам, но незнакомцы продолжали сторониться наших женщин и мужчин. Старейшины решили, что, возможно, им надо привыкнуть к новым местам...

Однажды высокие люди ушли на охоту и добыли огромного лося. Даже им было тяжело тащить добычу, разделять ее на месте охоты они не стали, а делали это в своем стойбище на глазах людей нашего племени.

Прежде чем приступить к разделу добычи, они пели и плясали. Они падали перед лосем на колени и громко ударяли ладонями о землю. Наши старики говорили, что они прощались со зверем и просили у него прощения, ведь если духи лесного лося рассердятся, то люди в будущем могут остаться без еды.

Эти великаны за то время, что были рядом, многому нас научили. Они ничего не показывали специально. Но и не возражали, когда мы смотрели, что и как они делают. Они научили оказывать почести животным и местным духам, которые строго следят за своими лесными детьми. Благодаря им в нашем племени стали строить полки на высоких столбах, куда складывали кости лося и дикого оленя, их рога. Они утверждали, что если этого не сделать, животные покинут наши леса. Они называли себя ангаридами, а землю, где бежит их Бурный поток, Ангаридой.

Как и почему они оказались на нашем берегу, великаны не рассказывали. Только однажды один совсем еще молодой ангаридец проговорился, что они чем-то разгневали духов Байкалии – огромного потока, который хранит все большие и малые потоки от восхода до заката. Земля раскололась, и часть потоков, которые раньше растворялись в Байкалии, стали обходить ее стороной.

Ангаридам пришлось уйти из Байкалии, где земля извергала огонь и часто проваливалась в потоке. Они ушли и ждали прощения в надежде, что когда-то наступит спокойствие и Байкалию перестанет трясти, а огромные волны больше не будут охотиться за берегом. Тогда ангаридацы смогут вернуться к родным берегам.

– Куда же они ушли? – не выдержал Таука.

Вождь Ритус словно не услышал вопроса Таука и продолжал свой рассказ.

– Однажды они ушли. Ушли так же, как и появились. Ушли вслед за потоком, когда получили известие от своих следопытов, что земля в Байкалии перестала трястись, и огонь больше не соперничает с Потокom. Они ушли, когда на наш берег опустились сумерки...

Таука слушал, открыв рот от удивления.

– Ушли в сумерки?! Но ведь в лесу ночью опасно и зверь видит лучше человека.

– Ангаридацы ничего не боялись. Они ушли и больше о них никто не слышал. Осталась лишь эта галька, на которой они нарисовали свои родные берега.

Вождь закончил свой рассказ. В шалаше было тихо-тихо. Таука, не отрываясь, смотрел на гальку ангаридацев. Зачем они нарисовали свои берега? Зачем так подробно показали все повороты потока, который вел к ним? Может быть, таким образом приглашали поселиться народ Ритуса поблизости с ними или показывали путь к себе другим ангаридам, которые, возможно, оказались вдали от Байкалии и, попав в племя Ритуса, посмотрят на рисунок?

Таука улыбнулся. Значит, впереди новые земли! И поток несет свои воды туда, где живут другие племена! Таука закрыл глаза и представил себе Бурный поток, маленькие, спокойные потоки, которые, растворяясь друг в друге, становятся большими и быстрыми. Он пытался представить себе Ангарида, где много зверей и птиц, где новые холмы и горы, где есть теплые пещеры, в которых неизвестные камнеделы оставили на стенах свои рассказы об охоте и рыбалке, о смелых и лучших охотниках...

Таука открыл глаза и посмотрел на вождя Синака, отца, вождя Ритуса, других мужчин племени. Все они продолжали сидеть молча, глядя на очаг, дым от которого поднимался вверх и исчезал в отверстии, сквозь которое уже стал виден кусочек Белого шара.

Таука подумал, что это отличная находка – отверстие для дыма. И когда они с отцом и людьми племени найдут новые берега, он и Велес обязательно возведут шалаш, где будет тепло и не дымно.